

УДК 821.161.1(А. Платонов)
doi 10.17072/2073-6681-2024-2-137-145

EDN RCABWJ

Война и будущее человечества: разные редакции рассказа А. Платонова «Железная старуха»

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Эстетические смыслы и фрактальная поэтика новейшей русской литературы: А. П. Платонов, Л. М. Леонов, А. В. Иванов» (проект № 23-28-00905, <https://rscf.ru/project/23-28-00905/>)

Нина Петровна Хрящева

д. филол. н., профессор кафедры литературы и методики ее преподавания

Уральский государственный педагогический университет

620091, Россия, г. Екатеринбург, просп. Космонавтов, 26. ninaus.fk@yandex.ru

SPIN-код: 2914-870

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8434-7498>

ResearcherID: T-7656-2019

Статья поступила в редакцию 02.03.2024

Одобрена после рецензирования 15.04.2024

Принята к публикации 02.05.2024

Информация для цитирования

Хрящева Н. П. Война и будущее человечества: разные редакции рассказа А. Платонова «Железная старуха» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 2. С. 137–145. doi 10.17072/2073-6681-2024-2-137-145. EDN RCABWJ

Аннотация. Предметом исследования является поэтика военных рассказов о детях 1941–1945 гг. Цель – показать осмысление А. Платоновым войны в перспективе будущего человечества посредством сопоставления вариантов рассказа «Железная старуха» и его контекстуального анализа. Теоретическим основанием работы выступают труды русских космистов – В. И. Вернадского, Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского; контекстуальный анализ, разработанный М. М. Бахтиным, дополненный наблюдениями за фрактальным построением текста, а также принципами дешифровки тайнописи, обоснованными К. Гинсбургом. Методология работы строится на исследованиях Л. Карасева, Л. Червяковой, Х. Гюнтера и др., посвященных рассказам Платонова детям и о детях.

Работа и ее результаты определялись анализом социально-политического и автобиографического контекстов жизни и творчества А. Платонова 1943 г. Война перешла из «кроваво-тяжелой в победную», что потребовало ее безупречного идеологического освещения, событием личного плана стала смерть сына. Попыткой понять осмысление войны Платоновым определялась логика нашего исследования. Во-первых, она реализовывалась сопоставлением вариантов рассказа «Железная старуха» (1941, 1943). В варианте рассказа 1943 г. обнаружены три новых фрагмента, проявляющих подлинное отношение писателя к войне как новому цивилизационному витку. Во-вторых, новое название рассказа обосновывается посредством анализа фрактальной композиции, определяемой онтологическими превращениями, которые проявлены метонимической тропированностью. Сказочность превращений в центральном поединке уточняет смысл названия рассказа. «Железные» люди есть результат интеллектуальных устремлений человечества, лишенных нравственных основ. Война осмыслена как свойство современной цивилизации. Возможность «лучшего мира, чем действительный» писатель связывает с идеями русского космизма и, прежде всего, проектом воскрешения умерших. Свою веру в победу над Смертью он передает маленькому мальчику как воплощению будущего.

Ключевые слова: А. Платонов; дети; война; цивилизация; метонимия; русский космизм.

Современный этап изучения творчества А. Платонова периода Великой Отечественной войны определяется публикациями «Записных книжек» [Платонов 2000] писателя; архивов: Письма 1942–1945 гг. [Письма А. Платонова 1942–1945 гг. 2009: 534–577]; Критические отзывы на книги Платонова 1943, 1945 гг. [Критические отзывы на книги Платонова 1943, 1945 гг. 2017: 502–533]; статей, выполненных на основе архивных данных (см.: [Алейников 2019: 49–56; Антонова 2009: 408–431]).

Задача нашего исследования – посредством сопоставления вариантов рассказа «Железная старуха» и его контекстуального анализа показать осмысление Платоновым войны в перспективе будущего человечества.

Введение. Теоретико-методологическое обоснование работы

Теоретическую базу исследования составляют труды русских космистов: В. И. Вернадского [Вернадский 2004], обосновавшего понятие ноосферы; Н. Ф. Федорова [Федоров 1995], создавшего проект «воскрешения умерших»; К. Э. Циолковского, написавшего «Очерки о Вселенной» [Циолковский 1992]. В этом ряду стоит А. Платонов – философ и гениальный писатель.

Для наших наблюдений не менее важен контекстуальный подход, разработанный М. М. Бахтиным: ученый понимает контекст как семантическое поле внетекстовых связей произведения, составляющих «диалогизирующий фон его восприятия» [Бахтин 2002: 429]; и Б. М. Гаспаровым, который отвечает на вопрос о том, что позволяет исследователю одновременно проявить смысловую среду и его художественную структуру. Феноменом, позволяющим проявить контекст и форму его присутствия в структуре текста, по мнению ученого, является мотив [Гаспаров 1993: 30]. Толкование мотива Гаспаровым отличается как от классических, так и от

современных точек зрения. Теоретическое обоснование работы было бы неполным без метода микропоэтики [Гинзбург 2004: 86], или, по словам самого художника, «способа второго смысла», что связано с необходимостью «шифровки» своих текстов [Платонов 2011: 78].

Методологической основой нашей работы являются труды ряда платоноведов, которые рассматривают категорию детства в творчестве А. Платонова как одну из ключевых. Л. Карасев отметит у Платонова детский «выбор глаз», что проявляется в обилии мотивов, которые характеризуют детское мышление [Карасев 1993: 266–271]. Л. Червякова показала, что «ощущение онтологического родства со всем миром...» определяется взглядом ребенка, который исключает

«присутствие смерти как абсолютного исчезновения» [Червякова 2003: 268]. Х. Гюнтер подчеркнул: «Разные формы антропоморфности, зооморфности и метаморфоз возникают у Платонова на основе убеждения, что различия между человеком и животным имеет лишь градуальный характер. Поэтому переход из одного вида одушевленных существ в другой вид представляется совсем не в фантастическом свете» [Гюнтер 2011: 91].

Социально-политический и автобиографический контексты жизни и творчества А. Платонова 1943 г.

2 декабря 1943 г. «секретариат ЦК принял закрытое постановление “О контроле над литературно-художественными журналами”, обвинив управление пропаганды и агитации ЦК «в слабом контроле за выпускаемой в стране литературой <...> Секретариат проголосовал за постановление <...> в котором предписывалось «повысить требовательность <...> исключить появление в журналах антихудожественных и политически вредных произведений» [Антонова 2009: 427]. И. А. Спиридонова подведет итог этому событию: «...В 1943 году Великая Отечественная кроваво тяжело, но необратимо становилась победной войной и должна была иметь идеологически безупречное освещение» [Спиридонова 2014: 11]. Изменение социально-политического климата привело к тому, что произведения Платонова стали все труднее проходить в печать. Так, из 18 рассказов составленной писателем в 1943 г. книги «В сторону заката солнца» было оставлено 10, прошедших жесткую редакторскую правку. И. А. Спиридонова нашла в бумагах Платонова несколько записей по составу книги: «писатель хотел ввести в сборник, возможно в качестве замены “выбракovaných” восемь других рассказов <...> Но ни одно произведение из дополнительных списков автора в сборник не прошло» [там же: 10].

В «Критических отзывах на книги Платонова 1943, 1945 гг.» автором комментариев отмечено: «8 авг. 1943 г. Платонов сдал в издательство “Советский писатель” книгу “В сторону заката солнца”. Она была прочитана рецензентами О. Резником (отзыв от 13 сент.) и В. Бахметьевым (отзыв от 2–3 окт.). 7 окт. вопрос о ее издании обсуждался на заседании редсовета, и мнение двух этих рецензентов оказалось недостаточно для принятия решения. В итоге сборник попал на дополнительную читку к Г. Шторму (отзыв от 20 окт.) и <...> А. Гурвичу (отзыв не датирован). В результате 21 окт. с Платоновым все-таки был заключен договор на издание книги, после чего началось неоднократное ее пере-

форматирование под давлением редакции» [Критические отзывы на книги Платонова 1943, 1945 гг. 2017: 502–503].

Попытаемся отметить некоторые из ключевых претензий критиков к рассказам Платонова. Литературовед О. Резник посоветовал отклонить включение в сборник следующих рассказов: «Взыскание погибших», «Седьмой человек», «Добрый Кузя» – по причине «зыбкости философских позиций автора, который для объяснения трагических переживаний обращается к тайному, потустороннему. Темы внутреннего бессмертия человеческого подвига <...> неизбывности материнского горя – обрели мистический оттенок, превратились в какую-то нео-теософию» [там же: 508].

Прозаик, литературный критик В. Бахметьев обнаруживает редкое непонимание платоновского языка. Он отмечает, что написанное Платоновым производит «впечатление порою кричащей малограмотности» [там же: 509]. Прозаик решается учить Платонова писать, указывая на нелепые с его точки зрения фразы: например, «он не был поврежден врагом» («Взыскание погибших»); «одиноко скончавшееся тело Нечаева» [там же]; «Люди, угнанные немцами на каторжные работы, изнаются до самых костей, и тогда тоже умрут, истомившись на строительстве смерти для того народа, который их родил» («Пустодушие») [там же: 510–511]. Наконец, под маской подлинного профессионала в философии и литературе выступает А. Гурвич. Он характеризует философию Платонова как «эфемерную, идеалистическую» [там же: 516]. Показывает, что в платоновских образах мало «нравственной силы», (имея в виду «слабую силу», которую Платонов считал истинной): «Как боится она быть привязанной к живому человеческому телу <...>. Каким грубым, неприятным чудовищным рисуется ей всякое здоровье, чувственное проявление физической жизни» [там же]. В качестве примера Гурвич приводит цитату из рассказа «Пустодушие»: «...утомленная женщина, с тем обычным для нашего времени человеческим лицом, на котором отчаяние от своей долговременности уже выглядело как кротость» [там же]. У женщины, о которой идет речь в названном рассказе, во время захвата немцами Воронежа убит муж, сожжен дом. Она с малолетним сыном роется на родном пепелище в поисках нужных в хозяйстве вещей. В этом контексте сказанное Гурвичем действительно потрясает, но – кощунством.

Второе событие 1943 г. – личного плана. В начале января у писателя умер сын Платон. Его, 15-летнего школьника, схватили на улице и отправили за Полярный круг в Норильский

ГУЛАГ. В камеру, где сидел Платон, подсаживали туберкулезных больных. Шолохов помог Платонову вызволить сына, но он уже был болен. Письма Платонова к жене 1943 г. имеют под собой трагическое основание – плач по сыну.

«23 мая 1943 г. Скучаю я по вас обоим – по тебе и по нашему сыну – сильно и грустно. Для меня мертвый Тотик – все равно вечно живой. <...> думаю о тебе и о могиле на кладбище. Поцелуй землю на его святой могиле за меня.

4 июня 1943 г. Постоянно думаю о Тоше: задумал одну вещь написать о нем, очень важную, как только вернусь в Москву, – важную и для всех.

6 июня 1943 г. Я так по тебе соскучился, так много есть что рассказать, так много есть чего писать. И главное – я так тоскую о холмике земли на армянском кладбище. Когда я еще буду там, я сам не знаю <...> Задумал одну вещь, очень важную и связанную с судьбой нашего Тоши. Но где тут ее писать! Знай же, что я люблю тебя, и буду стараться жить, пока ты жива. А Тоше принадлежит вторая половина моей души и весь мой талант» [Письма А. Платонова: 1942–1945 гг. 2009: 547, 549, 550].

В письмах А. Платонова тоска о сыне переплетена с мыслями о потребности творческого воплощения этой трагедии: написать «вещь о Тоше – важную и для всех». Этот замысел будет осуществлен в пьесе «Ученик лицея» (1947–1948) (см. подробнее: [Когут, Хрящева 2018: 168–235]). Попытаемся предположить, что в «силовое» поле творческих намерений могла войти и переработка рассказа «Железная старуха», на что указывает «проективность» образа Егора как победителя Смерти.

Социальный и автобиографический контексты проявлены в рассказе «Железная старуха» преимущественно «способом второго смысла», суть которого, по Платонову, в том, что «...решение достигается не действием персонажей <...>, а всей музыкой, организацией произведения, – добавочной силой, создающей в читателе еще и образ автора, как главного героя сочинения, другого способа для таких вещей не существует» [Платонов 2011: 78].

1943 год был переломным не только в войне, но и в ее осмыслении Платоновым. Об этом говорят его «Записные книжки» этого периода:

«Оч<ень> важно.

Смерть. Кладбище убитых на войне. И встает к жизни то, что должно быть, но не свершено: творчество, работа, подвиги, любовь, вся картина жизни несбывшейся, и что было бы, если бы она сбылась. Изображается то, что, в сущности, убито – не одни тела (подчеркнуто А. Платоновым). Великая картина жизни и [душ] погиб-

ших душ и возможностей. Дается мир, каков бы он был при деятельности погибших, – лучший мир, чем действительный: вот что погибает на войне, – там убита возможность прогресса» [Платонов 2000: 231].

Эта дневниковая запись интересна тем, что Платонов будто намечает эскиз замысла своего творения – показать трагедию войны. Она для него в том, что убиты «не одни тела», а будущее. Ибо вместе с гибелью целого поколения молодых людей рассыпались в прах все их мечты, желания, дерзновения. Но, несмотря на эту горькую истину, Платонов верит в будущее как «лучший мир, чем действительный». Свою веру он «транслирует» посредством создания детского мышления, способного творить «лучший мир».

Сопоставление вариантов рассказа «Железная старуха»

Рассказ был опубликован 4 раза. Первая публикация под названием «Ты кто?» – журнал «Дружные ребята» (1941, № 2); вторая – в составе книги «Под небесами родины» (1942); третья – журнал «Знамя» (1943, № 4) и четвертая – в книге «Рассказы о родине» (1943).

У членов редакции «Знамени» рассказ вызвал неоднозначные оценки. По мнению ответственного редактора Е. Михайловой, «это литература, которая способна в поисках возвеличения человека прибегнуть даже к сказочному обличью <...> “Железная старуха” <...> – это не минус, это только украшает и опирается на какую-то реалистическую основу и, сообщая поэтический колорит, не снижает правдоподобия изображаемого» [Антонова 2009: 426]. Противоположное мнение высказала М. Эссен: «Рассказ “Железная старуха” <...> надуманный, какой-то мало говорящий уму и сердцу» [там же].

Сопоставляя версии рассказа, нетрудно заметить, что вариант «Ты кто?» 1941 г. не производит впечатления сокращенного. У него иная, нежели в поздней версии, концепция: «железная старуха» названа «судьбой», незнакомым мальчику Егору словом. А в финале звучит диалог мальчика с ползущим червяком, что поддерживает основную тему первого варианта – тему онтологических превращений, в которые играет Егор, осваивая окружающий мир.

Вариант рассказа 1943 г. включает в себя три новых и ключевых для понимания платоновского поворота в осмыслении войны фрагмента: 1. Сон мальчика, в котором он слышит «звук <...> как вздох сожаления всех умерших людей». 2. Поединок Егора с Железной старухой во сне. 3. Финальный разговор сына с матерью о борьбе с Ней наяву.

Истоки нового названия рассказа

Прежде чем проанализировать данные эпизоды, обратимся к смыслу онтологической игры, которую ведет мальчик с окружающим миром и характером тропов, эту игру сопровождающих. Егора не устраивает онтологический закон, согласно которому «нужно было <...> ужинать, спать...» [Платонов 2012: 97]¹ и т. п. Мальчик хочет быть «беспеременным» участником бытия, «чтобы видеть все, что живет без него, включая и “горящие на небе звезды”». Более того, ребенок озабочен тем, что видимость окружающих его предметов и явлений вряд ли совпадает с их сущностью. На этой догадке детского сознания и строится повествование. Вопросание Егора обращено к разным сферам бытия: существам, населяющим родной двор, природно-космическим явлениям, мистическим сущностям; родному человеку – маме, себе самому. Вопросы обнимают весь мир, образуя фрактальную «цепочку» микроновелл, составляющих сюжетно-фабульные звенья текста. Вглядимся в тропы, сопровождающие онтологические превращения.

«Малолетний Егор сидел под деревом и слушал голос листьев, их кроткие бормочущие слова. (Он – Н. Х.) хотел узнать, что означают эти слова ветра <...>

«– Ты кто? Что ты мне говоришь? Ветер умолкал, будто он сам слушал в это время мальчика...» (97).

Вопрос, задаваемый ветру, мальчик повторяет жуку, которого он наделяет антропоморфными чертами: «он <...> посмотрел в его (жука – Н. Х.) маленькое неподвижное лицо, в черные добрые глаза... (97).

«– Ты кто? <...> Жук не ответил ничего, но Егор понимал, что жук знает что-то, чего не знает сам Егор <...> он стал нарочно жуком и молчит, а сам не жук, а еще кто-то, – неизвестно кто <...> Егор повернул жука животом вверх, чтобы увидеть, кто он такой» (97).

«– Ты не притворяйся <...> Лучше сразу откройся. Жук замахнулся на Егора сразу всеми ногами и руками» (97–98). И Егор, признав себя побежденным, отпустил жука, а про себя решил, что если «попадется», то будет вести себя так же.

В последнем случае перед нами метонимический способ связи, определяемый смежностью явлений.

Но есть в рассказе другой род детской скуки – «подсвеченной» взрослым сознанием. «И вдруг Егору стало скучно без жука. Он понял, что больше его никогда не увидит, и если увидит, то не узнает его, потому что в деревне много прочих жуков. А этот жук будет где-нибудь жить, а потом помрет, и все его забудут, один только

Егор будет помнить этого неизвестного жука» (98). Платонов показывает, что зарождение в сознании ребенка категории памяти также совершается по метонимическому принципу: «Помнить этого неизвестного жука» ребенку важно потому, что он ощутил свою с жуком «одноприродность», они участники «события бытия», равно причастные ему. Потому и важно Егору продлить жизнь жука хотя бы в своей памяти.

С жука внимание Егора перемещается на червяка. Но перед тем, как его заметит ребенок, слово берет автор-повествователь, достраивая взгляд мальчика своим многоопытным зрением: «Усохший лист упал с дерева. Он когда-то вырос на дереве из земли, долго смотрел на небо и теперь снова возвращался...». Перед нами синекдотическая связь (лист как часть дерева) в структуре параллелизма: «возвращение усохшего листа в землю» уподоблено исходу человеческого бытия: «с неба на землю, как домой с долгой дороги».

Этот сложный троп вновь сменяется пытливый диалог ребенка с очередным участником бытия – червяком. «Он без глаз и без головы...» (98).

«– Ты кто?» (98).

Мальчик предполагает в нем «детеныша еще, а может быть, уже худого маленького старика» (98) и предлагает червяку поиграть с ним:

«– Давай я буду тобою, а ты будешь мною <...> Мне надоело быть все Егором и Егором <...> Я хочу быть еще чем-нибудь» (99).

Жажда активного «осуществления» жизни, по сути, рождает в Егоре мечту об иной онтологической модели Вселенной, связанной с легкостью перевоплощения в другие жизненные формы, но не ради игры только, а для того, чтобы знать: «Я тогда узнаю, кто ты, а ты станешь как я» (99).

Характер тропированности в описании ночного путешествия Егора

Мать Егора решается поугадать «шутоломно-го»² сына «железной старухой», нагнетая ее устрашающие черты:

«– Она по оврагам ходит <...> сухие кости гложет, а когда кто помрет она рада, она хочет одна остаться на свете <...> Все хочет дожидаться, когда все помрут и будет одна она ходить, железная старуха...» (99). Но в ответ вдруг слышит:

«– Мама, а она кто?» (99).

Этот диалог – свидетельство того, что мать предпочитает говорить сыну о видимости явления, а ему важна сущность. Поэтому испуг вытесняется у него любопытством к впервые открывшейся ему в образе «старухи» мистической стороне бытия. Наступает ночь. И мальчик не выдерживает больше неизвестности: «Пойду, до всего дознаюсь...» (100).

Ночь, впервые созерцаемая ребенком, преобразует знакомый ему мир. «Ясные звезды светились в небе; их было так много, что они казались близкими, – поэтому ночью под звездами было также не страшно, как днем среди полевых цветов» (100). «Звезды» и «цветы» сопровождают разное время суток. Этот временной сдвиг обусловливает у Платонова естественность вхождения космического в природное: из-за яркости и обилия звезд на небе они кажутся «близкими» и делают путешествие Егора по ночному миру столь же не страшным, как дорогу днем «среди полевых цветов».

Совсем другие ощущения вызывает у ребенка спуск на дно оврага. Платонов переключает повествование в сказочную «стилистику». Егор замечает, что попадает в другой мир, «где было тише, темнее, чем наверху земли, – ни травинка, ни лист не шевелились тут...» (101). Следуя сказочной логике, он преодолевает страх памятью/прикосновением к атрибутам живого мира «наверху земли» – траве, камешку, лопуху: «ничего, они ведь все живут здесь и не боятся, и он будет с ними» (101). Овраг описан при помощи синекдохи, как множасьщее царство смерти: «на склоне оврага мальчик заметил маленькую пещеру» (101), похожую на овраг, и решил подремать.

Железная старуха приходит к мальчику во сне. В поединке с Ней Егор действует с отвагой, присущей смыслу его имени, которое восходит к Георгию Победоносцу, одному из самых почитаемых на Руси святых, который «обычно изображался юношей, воином на белом коне, копьем поражающий дракона. <...> Монету с изображением св. Георгия давали за храбрость воинам для ношения на шапке или рукаве» [Христианство... 1993: 406–407]. В поединке с Железной старухой герой помнит о своей цели – «дознаться, кто она такая». Для этого он прибегает к хитрости, соглашаясь «на словах умереть»: «Скажи, я помру» (101); оскорбляет ее всевласть: «Ты не бойся меня, я тебя не боюсь» (102); бросает в её лицо горсть глины со словами: «Я знаю, я знаю тебя. Мне тебя не надо, я тебя убью!» (102). Егор обмер от страха, но хорошо расслышал последние слова Старухи:

«– Ты меня не знаешь, ты меня не разглядел. Но всю твою жизнь я буду ждать твоей смерти и губить тебя, потому что ты меня не боишься» (102).

Сквозь сказочные одежды поединка мерцает второй – потаенный – слой смысла. Он связан с новым названием рассказа «Железная старуха». Его семантика заставляет вспомнить образы «железных» (шире – искусственных) людей, имеющих в творчестве Платонова солидную родословную: Человек Прочной плоти («Рассказ о

многих интересных вещах»), человекообразный электрон, губящий все живое («Эфирный тракт»), железный человек Кузьма («Шарманка»), искусственные люди Хоз, Интергом («14 Красных избушек»), человек-оружие Чад-Ек («Ноев ковчег (Каиново отроде)»).

«Железные» люди, как показали исследования платоновского творчества, есть плод разнонаправленных цивилизационно-интеллектуальных устремлений человечества, лишенных душевно-духовных ориентиров, то есть «пустодушных».

Их ряд продолжается «железной старухой», являющей собой метонимический образ Войны. Старуха-Смерть действует посредством железа – инструментально.

Вернемся к «Записным книжкам» Платонова:

1. «Вечная война» как выход в другое историческое состояние (фаш <изм>)» [Платонов 2000: 237].

2. «Война может стать постоянным явлением: к<a>к род новой промышленности, вышедшей из двух причин – некоторого «свободного» избытка производительных сил и «опустошения душ».

Война, весьма возможно, превратится в долгое свойство человеческого общества» [там же].

По точному суждению И. А. Спиридоновой, «Платонов выходит за рамки фашизма и характеризует цивилизацию, породившую войну и фашизм» [Спиридонова 2014: 94]. В изменении первоначального названия рассказа проявлен именно этот цивилизационный смысл. «Смерть приняла новый <...> облик “железной смерти”...» [там же].

Что же ей противопоставлено? Чем рождена у Платонова вера в возможность «лучшего мира, чем действительный»?

Вновь вернемся к тексту. Перед поединком со Старухой Егору снится «слабая сила». «...Унылый звук раздался в этой низине земли, как вздох сожаления всех умерших людей. Егор сейчас же открыл глаза, услышав во сне этот <...> звук». В поэтике Платонова именно «слабая сила» является подлинной. Чтобы понять ее смысл, вернемся к записям писателя 1943 г.

1. «Не пушками лишь решится война, но и смертью тысяч... Тут побеждаем мы.

Главное, самое главное» [Платонов 2000: 240].

2. «По смерти миллионов людей – живых замучает совесть об умерших» [там же: 241].

3. «Умершие могут быть воскрешены, как прекрасные, но безмолвные растения-цветы. А нужно, чтобы они воскресли в точности, конкретно, как были» [там же: 246].

Таким образом, помимо Ума необходимы Сердце, Совесть. С этих позиций создавали свои проекты постижения и перестройки Вселенной русские космисты В. И. Вернадский, К. Э. Циол-

ковский, Н. Ф. Федоров. Книга последнего была в личной библиотеке Платонова. Выход из состояния современной цивилизации, чреватой Войнами и Смертями, писатель видел в необходимости «перешить» «неуклюжую вселенную» (А. Платонов) и прежде всего победить Смерть. Эту идею русского космизма как своеобразную эстафету уже тяжело больной Платонов передает своему маленькому герою как свою главную надежду.

Восстановление меры мира

Просыпается мальчик на руках у матери, несущей его из оврага домой. Восстановлением этической меры мира мерцает их финальный разговор. Мать, вслушиваясь в рассказ Егора о том, как он боролся со Старухой – Смертью во сне, «...задумалась, потом она опустила Егора на землю и посмотрела на него как на чужого:

– Иди своими ногами – борец!..» (102).

Она вдруг поняла, что все это время принимала за сына кого-то другого. Поэтому на повторный вопрос о Старухе мать дает ему взрослый ответ:

«– Люди говорят, что это судьба, что ль, или горе наше ходит. Вырастешь, сам узнаешь» (103).

И сын обещает матери, что поймает Старуху, даже если ему придется стать Железным Стариком. Но Егор, увидев ползущего червяка, задумался: «Это я нарочно буду железным, чтоб старуху напугать, пускай она околеет. А потом я железным не буду – не хочу, я опять буду мальчиком с матерью» (103). Это великое решение мальчика универсализует мысль автора о первичности нравственной основы для «интеллектуально-железных» изобретений человечества.

Результаты

Поэтика рассказа определяется осмыслением Платоновым Великой Отечественной войны как нового этапа цивилизации, суть которого в возможном превращении войны в постоянное состояние человеческого общества. Писатель, будучи специальным корреспондентом газеты «Красная Звезда» – центрального органа, освещающего войну, адекватно осознающим суть этого явления для будущего человечества, видит лучик надежды в детях. Именно им он «транслирует» мысль о необходимости бытийственных Преобразований мира. Эта мысль проявлена фрактальной композицией онтологических превращений, строящихся на метонимическом принципе. Каждый новый шаг писательской рефлексии «развивает потенции предыдущего <...> превосходя при этом смысл каждого элемента, взятого в отдельности» [Желтова 2004: 880].

Уверенность Платонова 1943 г. в том, что возможен «лучший мир, чем действительный», предельно обостренная смертью сына и «миллионов людей» в сражениях, связана с ядром русского космизма – проектом воскрешения умерших.

Примечания

¹ Здесь и далее текст рассказа цитируется с указанием страниц в круглых скобках по изданию [Платонов 2012].

² Шутоломный тмб. – неуклюжий, неловкий, несподручный человек <...> не знающий обычая, приличий или светских тонкостей, ломающий напрямки, сдуру, самодуром [Даль 2000: 1488].

Список литературы

Алейников О. Ю. Записи из неопубликованного блокнота А. Платонова: опыт историко-литературного комментария и текстологической реконструкции // Филологический класс. 2019. № 4(58). С. 49–56. doi 10.26170/FK19-04-06

Антонова Е. В. А. Платонов в 1942–1945 гг. // Архив А. П. Платонова / отв. ред. Н. В. Корниенко. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 408–431.

Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. 799 с.

Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера / предисл. Р. К. Баландина. М.: Айрис-пресс, 2004. 576 с.

Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука, 1993. 304 с.

Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история: сб. ст. / пер. с итал. и послесл. С. Л. Козлова. М.: Новое издательство, 2004. 348 с.

Гюнтер Х. «Смещение живых существ»: человек и животное у А. Платонова // Новое литературное обозрение. 2011. № 5(111). С. 91–105.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: ТЕРРА, 2000. 1488 с.

Желтова Н. Ю. Поэтика русского национального характера (теоретический аспект) // Вестник ТГТУ. 2004. Т. 10, № 3. С. 875–883.

Карасев Л. В. Знаки покинутого детства // «Страна философов» А. Платонова: проблемы творчества. М.: Наследие, 1993. С. 266–271.

Когут К. С., Хрящева Н. П. Поэтика драматургии А. П. Платонова конца 1930-х – начала 1950-х гг.: межтекстовый диалог. СПб.: Нестор-История, 2018. 280 с.

Критические отзывы на книги 1943, 1945 гг. (Внутренние рецензии издательства «Советский писатель») / ст. и ком. Е. Антоновой // «Страна

философов» А. Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Вып. 8. С. 502–533.

Письма А. Платонова 1942–1945 гг. / публикация Е. Антоновой // Архив А. П. Платонова / отв. ред. Н. В. Корниенко. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 534–577.

Платонов А. П. Записные книжки. Материалы к биографии / публикация М. А. Платоновой; сост., подгот. текста, предисл. и прим. Н. В. Корниенко. М.: Наследие, 2000. 424 с.

Платонов А. П. Железная старуха // Сухой хлеб: Рассказы, сказки / сост., подгот. текста, коммент. Н. В. Корниенко. 2-е изд., стер. М.: Время, 2012. (Собрание). С. 97–103.

Платонов А. П. Пушкин – наш товарищ // Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / сост., ком. Н. В. Корниенко; подгот. текста Н. В. Корниенко и Е. В. Антоновой. М.: Время, 2011. С. 69–84.

Спиридонова И. А. «Под небесами родины»: Художественный мир военной прозы А. Платонова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. 145 с.

Федоров Н. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1995. 518 с.

Христианство: энциклопедический словарь в 2 т. Т. 1. / ред. кол. С. С. Аверинцев и др. М.: Бол. рос. энцикл., 1993. 863 с.

Циолковский К. Э. Очерки о Вселенной. М.: ПАИМС, 1992. 256 с.

Червякова Л. В. Детство как темпоральная категория в рассказах Платонова второй половины 1930–1940-х гг. // «Страна Философов» А. Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 5. С. 266–270.

References

Aleynikov O. Yu. Zapisi iz neopublikovannogo bloknota A. Platonova: opyt istoriko-literaturnogo kommentariya i tekstologicheskoy rekonstruktsii [The notes from unpublished A. Platonov's notebook: Historical-literary commentary and textological reconstruction]. *Filologicheskiiy klass* [Philological Class], 2019, issue 4(58), pp. 49–56. doi 10.26170/FK19-04-06. (In Russ.)

Antonova E. V. Platonov v 1942–1945 gg. [A. Platonov in 1942–1945]. *Arkhiv A. P. Platonova* [The archive of A. P. Platonov]. Ed. by N. V. Kornienko. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, book 1, pp. 408–431. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]: in 7 vols. Moscow, Russkie slovari Publ., LRC Publishing House, 2002, vol. 6. 799 p. (In Russ.)

Vernadsky V. I. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and Noosphere]. Preface by R. K. Balandin. Moscow, Ayris-Press, 2004. 576 p. (In Russ.)

Gasparov V. M. *Literaturnye leytmotivy. Ocherki po russkoy literature XX veka* [Literary Leitmotifs. Essays on Russian Literature of the 20th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 304 p. (In Russ.)

Ginzburg K. *Mify – emblemy – primety: Morfologiya i istoriya* [Myths – Emblems – Omen: Morphology and History]: a collection of articles. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2004. 348 p. (In Russ.)

Günther H. 'Smeshenie zhivy'kh sushchestv': chelovek i zhivotnoe u A. Platonova [‘A mixture of living creatures’: Man and animal in the works of A. Platonov]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2011, issue 5(111), pp. 91–105. (In Russ.)

Dal V. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: in 4 vols. Moscow, Terra Publ., 2000, vol. 4. 1488 p. (In Russ.)

Zheltova N. Yu. *Poetika russkogo natsional'nogo kharaktera (teoreticheskiy aspekt)* [Poetics of Russian national character (theoretical aspect)]. *Vestnik TGTU* [Transactions of the TSTU], 2004, vol. 10, issue 3, pp. 875–883. (In Russ.)

Karasev L. V. *Znaki pokinutogo detstva* [The Signs of Abandoned Childhood]. 'Strana filosofov' A. Platonova: *problemy tvorchestva* [‘The Country of Philosophers’ by A. Platonov: Problems of Platonov's Literature]. Moscow, Nasledie Publ., 1993, pp. 266–271. (In Russ.)

Kogut K. S., Khryashcheva N. P. *Poetika dramaturgii A. P. Platonova kontsa 1930-kh – nachala 1950-kh gg.: mezhtekstovyy dialog* [The Poetics of A. P. Platonov's Dramaturgy of the late 1930s – early 1950s: An Intertextual Dialog]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018. 280 p. (In Russ.)

Kriticheskie otzyvy na knigi 1943, 1945 gg. (Vnutrennie retsenzii izdatel'stva 'Sovetskiy pisatel') [Critical reviews of the books of 1943, 1945 (Internal reviews of the Publishing House 'Soviet Writer')]. Article and commentary by E. Antonova. 'Strana filosofov' A. Platonova: *problemy tvorchestva* [‘The Country of Philosophers’ by A. Platonov: Problems of Platonov's Literature]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017, pp. 502–533. (In Russ.)

Pis'ma A. Platonova 1942–1945 gg. [Letters of A. Platonov 1942–1945]. Publ. by E. Antonova. *Arkhiv A. P. Platonova* [The Archive of A. P. Platonov]. Ed. by N. V. Kornienko. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, book 1, pp. 534–577. (In Russ.)

Platonov A. P. *Zapisnye knizhki. Materialy k biografii* [Notebooks. Materials to the biography]. Publ. by M. A. Platonova, compilation, text preparation, preface, notes by N. V. Kornienko. Moscow, Nasledie Publ., 2000. 424 p. (In Russ.)

Platonov A. P. *Zheleznaya starukha* [The Iron Old Woman]. *Sukhoy khleb: Rasskazy, skazki* [Dry Bread: Stories, Fairy Tales]. Ed. by N. V. Kornienko. Moscow, Vremya Publ., 2012, pp. 97–103. (In Russ.)

Platonov A. P. *Pushkin – nash tovarishch* [Pushkin is our comrade]. *Fabrika literatury: Literaturnaya kritika, publitsistika* [Literature Factory: Literary Criticism, Journalism]. Ed. by N. V. Kornienko and E. V. Antonova. Moscow, Vremya Publ., 2011, pp. 69–84. (In Russ.)

Spiridonova I. A. 'Pod nebesami rodiny': *Khudozhestvennyy mir voennoy prozy A. Platonova* [‘Under the Skies of the Motherland’: The Artistic World of A. Platonov's Military Prose]. Petrozavodsk, Petrazaodsk State University Press, 2014. 145 p. (In Russ.)

Fedorov N. F. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]: in 4 vols. Moscow, Progress Publ., 1995, vol. 1. 518 p. (In Russ.)

Khristianstvo: entsiklopedicheskiy slovar' [Christianity: Encyclopedic Dictionary]: in 2 vols. Ed. by S. S. Averintsev et al. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopedia Publ., 1993, vol. 1. 863 p. (In Russ.)

Tsiolkovsky K. E. *Ocherki o Vseleynoy* [Essays on the Universe]. Moscow, PAIMS Publ., 1992. 256 p. (In Russ.)

Chervyakova L. V. *Detstvo kak temporal'naya kategoriya v rasskazakh Platonova vtoroy poloviny 1930–1940-kh gg.* [Childhood as a temporal category in Platonov's stories of the second half of the 1930s–1940s]. 'Strana Filosofov' A. Platonova: *problemy tvorchestva* [‘The Country of Philosophers’ by A. Platonov: Problems of Platonov's Literature]. Moscow, IWL RAS Publ., 2003, issue 5, pp. 266–270. (In Russ.)

War and the Future of Mankind: Different Editions of Andrei Platonov's Story 'The Iron Old Woman'

The research was funded under a grant from the Russian Scientific Foundation 'Aesthetic meanings and fractal poetics of modern Russian literature: A. P. Platonov, L. M. Leonov, A. V. Ivanov' (project No. 23-28-00905, <https://rscf.ru/project/23-28-00905/>)

Nina P. Khriashcheva

Professor in the Department of Literature and Methods of Teaching Literature

Ural State Pedagogical University

26, prospekt Kosmonavtov, Yekaterinburg, 620091, Russian Federation. ninaus.fk@yandex.ru

SPIN-code: 2914-870

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8434-7498>

ResearcherID: T-7656-2019

Submitted 02 Mar 2024

Revised 15 Apr 2024

Accepted 02 May 2024

For citation

Khriashcheva N. P. Voyna i budushchee chelovechestva: raznye redaktsii rasskaza A. Platonova «Zheleznaya starukha» [War and the Future of Mankind: Different Editions of Andrei Platonov's Story 'The Iron Old Woman']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 2, pp. 137–145. doi 10.17072/2073-6681-2024-2-137-145. EDN RCABWJ (In Russ.)

Abstract. The subject of the research is the poetics of war stories about children referring to 1941–1945. The study aims to show Andrei Platonov's understanding of the war from the perspective of the future of mankind through a comparison of the versions of the story *The Iron Old Woman* and their contextual analysis. The theoretical basis of the paper is the works by Russian cosmists such as V. I. Vernadsky, N. F. Fedorov, K. E. Tsiolkovsky; the contextual analysis developed by M. M. Bakhtin supplemented by observations of the fractal structure of the text as well as the principles of concealed metonymical writing substantiated by K. Ginsburg. The methodology of the work is based on the research by L. Karasev, L. Chervyakova, H. Günther and other scholars focused on A. Platonov's stories to children and about children.

The research and its results were determined by the analysis of the socio-political and autobiographical contexts of A. Platonov's life and work in 1943. At that time, the war was gradually changing from 'a bloody slaughter to a victorious move', which required its impeccable ideological coverage. From personal perspective, the year was overshadowed by the death of A. Platonov's son. The logic of the research was determined by an attempt to penetrate into A. Platonov's understanding of the war. Firstly, the research compares two versions of the story *The Iron Old Woman* (written in 1941, 1943). In the 1943 version, three new fragments have been discovered, showing the writer's genuine attitude to the war as a new civilizational turn. Secondly, the new title of the story is justified by analyzing the fractal composition determined by ontological transformations that are manifested by metonymic rhetorical colors. The fabulousness of the transformations in the central characters' duel clarifies the meaning of the story's title. 'Iron' people are the result of the intellectual aspirations of mankind devoid of moral foundations. The war is understood as a property of modern civilization. The writer connects the possibility of a 'better world than the real one' with the ideas of Russian cosmism and, above all, the Project of resurrecting the dead. He passes on his faith in victory over Death to a little boy who epitomizes the embodiment of the future.

Key words: Andrei Platonov; children; war; civilization; metonymy; Russian cosmism.